

Слово о Николае

Г. Тиханов

Очень трудно писать о Николае. Он был для меня источником энергии, веры в добро и нескончаемого энтузиазма.

Мы познакомились в 1995-м году на посвященной Бахтину Московской конференции, которая состоялась на пике посмертной мировой славы своего героя. Для меня это была первая большая международная бахтинская конференция; там я впервые увидел Кэрил Эмерсон, Кена Хиршкопа, С. Конкина (которого тоже уже нет).

О Николае говорили, что он сибиряк. И хотя я не очень разбираюсь в региональных приметах русских, меня сразу поразила его открытость, щедрость и масштабное мечтательство. Это мечтательство он воплотил в деле, а самым главным его делом, по-моему, стал журнал, «Диалог. Карнавал. Хронотоп».

Когда я познакомился с Паньковым, журналу было уже три года. Николай успел собрать международную редколлегию и издавал ДКХ в Витебске, где он тогда жил. Он делал это на высочайшем научном уровне, не боялся полемик, но и дорожил объективностью. На страницах своего журнала Николай напечатал множество ценнейших работ о Бахтине, включая и уникальные архивные свидетельства. Как трудно все это было в постсоветские 90-е годы, может представить любой русист.

С помощью Николая я познакомился в Москве с Сарой Лейбовной, редактором первого издания книги Бахтина о Рабле. На своей квартире она рассказывала мне о Лукаче, которого знала со времени его московского изгнания, а о Николае говорила с огромной теплотой и восхищением. Потом были встречи с Николаем в Англии, в Оксфорде, где я был постдоком (мы принимали его дома с моей супругой, тоже ученым-филологом), на бахтинской конференции в Бразилии (сейчас я смотрю на фотографии с тамошнего застолья, где Николай бодр и полон радости).

Потом журнал вместе со своим создателем перебрался в Москву. В последние творческие годы, когда он уже серьезно болел, Николай написал, как лично мне представляется, свои лучшие работы. Кажется, сильнейшее побуждение, спровоцированное болезнью, обострило его чувства и помогло победе важного над маловажным.

Среди множества его работ, которым определено прочное место в бахтиноведении, вершиной я считаю работу о «Рабле» как ответ на эстетические и искусствоведческие споры о красивом и гармоничном в советские 30-е годы. Это не просто новаторская работа (таких у Николая много), это работа, которая меняет сам образ Бахтина и его самой известной книги, изучению которой Николай отдал так много сил.

Я не уверен, что сделал все, что мог, чтобы помочь Николаю в тяжелые годы болезни. Многие из нас пытались помогать по-разному, но чувство поражения не оставляет меня. Утешение проявилось в том, что журнал перешел в руки его сына и Бориса Орехова — достойная смена.

Николай для меня останется примером бескорыстия, великодушия, щедрости и, что очень существенно, высочайшей научной доблести и почета. Останется неосуществленным наш проект издания прокомментированного тома корреспонденции Бахтина, скорее как напоминание, что каждому делу — свой момент. А может быть этим займутся другие, в неизвестный еще час...